

Бытовой роман

Елена Дорофеева

Елена Дорофеева

Бытовой роман

<https://litres.ru/74517328>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Бытовой роман» – это история женщины, у которой снаружи всё вполне обычно: муж, двое сыновей, работа, дом, кот, покупки, сообщения, чужие просьбы и кофе, который почти всегда успевает остыть.

Кира давно привыкла быть той, на кого можно положиться. Помнить, организовывать, помогать, сглаживать, держать всё под контролем. Настолько давно, что почти перестала замечать, где во всём этом находится она сама.

В её жизни ничего не рухнет в один день. Всё начинает меняться через мелочи: коробку цветных карандашей, два часа для себя, куклу без имени и старый папин платок.

«Бытовой роман» – не история про побег из привычной жизни. Это история о том, как однажды снова появиться внутри неё.

Содержание

Глава 1. Остывший кофе	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бытовой роман

Глава 1. Остывший кофе

Будильник зазвонил в 6:30.

Не открывая глаз, Кира привычным движением нащупала телефон на прикроватной тумбочке и нажала кнопку повтора.

Ещё пять минут.

Каждое утро начиналось одинаково. Сначала первый будильник. Потом второй. Потом третий. Кира прекрасно понимала, что за эти дополнительные пять минут ничего не изменится. Она не выспится, не станет бодрее и не проснётся счастливой. Но всё равно каждое утро договаривалась сама с собой:

— Ещё чуть-чуть...

Будильник снова напомнил о себе.

— Да встаю я, встаю...

В ногах недовольно заворочался Пушок. Видимо, её возня мешала его законному утреннему сну.

— Доброе утро, философ.

Она протянула руку и погладила кота по мягкой спине. Пушок тут же замурлыкал и довольно потянулся.

— Вот скажи мне, как у тебя это получается? Поел, поспал, полежал на подоконнике, снова поспал. И никакой тре-

воги за завтрашний день.

Кот открыл один глаз, посмотрел на неё и снова закрыл.

— Да, понимаю. Ты просто познал дзен раньше меня.

Кира невольно улыбнулась и поднялась с кровати.

За окном небо было серым. Папа любил такую погоду и всегда говорил, что в облачный день рыба клюёт лучше. Когда-то давно он говорил вечером:

— Завтра едем на рыбалку.

После этих слов можно было даже не пытаться уснуть. Маленькая Кира начинала собираться ещё с вечера. Несколько раз проверяла одежду, спрашивала, взяли ли удочки, приготовлен ли термос.

— Пап, а во сколько вставать?

— В пять.

— Так это уже скоро.

— Конечно скоро. Поэтому спать.

— А если я просплю?

— Не проспешь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она помнила, как лежала под одеялом и улыбалась в темноте. Помнила запах чая из старого термоса, прохладный утренний воздух и папину куртку, в которую ей так нравилось утыкаться носом. Прошло уже семь лет с тех пор, как папы не стало, а эти поездки она помнила лучше, чем половину событий прошлого месяца.

Наверное, потому что тогда умела ждать утра с радостью.
Кира тяжело вздохнула.

— Ладно, Пушок. Пойдём жить этот прекрасный и удивительный день.

Кот первым направился к двери.

— Конечно. Тебе легко говорить. Тебя хотя бы никто не спрашивает, где носки.

На кухне было тихо. Настолько тихо, что Кира невольно замедлила шаг. Дети ещё спали. Влад тоже. Никто ничего не искал, никто никуда не опаздывал.

Она насыпала коту корм и включила кофемашину.

— Ну всё, теперь можно жить.

Пушок с головой ушёл в свою миску, а через несколько секунд кухня наполнилась запахом свежего кофе. Вот за что Кира готова была простить этому миру очень многое — за запах кофе по утрам.

Она достала любимую кружку и несколько секунд просто стояла, наблюдая, как тёмный напиток медленно наполняет чашку. Каждое утро она искренне надеялась, что сегодня всё будет иначе и ей наконец удастся выпить кофе горячим. Но каждое утро жизнь доказывала обратное.

Она села у окна и обхватила кружку ладонями. От неё шло приятное тепло. Вот так выглядело счастье в тридцать семь лет: пять минут тишины, горячий кофе и никто ничего от

тебя не хочет.

Кира посмотрела во двор. Кто-то выгуливал собаку. Молодая мама вела ребёнка в детский сад. Мужчина торопливо очищал машину от пыли и прошлогодних листьев.

Иногда ей казалось, что её собственная жизнь проходит где-то между чужими потребностями, школьными чатами, списками покупок и бесконечными домашними делами. Она любила своих детей — очень любила. Но в последнее время всё чаще ловила себя на мысли, что ждёт того дня, когда они вырастут. И каждый раз после таких мыслей чувствовала укол вины.

Какая же мать вообще может думать о подобном?

Наверное, уставшая.

Кира сделала первый глоток кофе и закрыла глаза от удовольствия. Горячий. Удивительно.

Она уже собиралась сделать второй глоток, когда из детской послышался голос:

— Мам!

Кира тихо усмехнулась. Рекорд. Сегодня ей даже удалось попробовать кофе.

— Да?

— А сегодня есть физкультура?

Константин задавал этот вопрос каждую неделю. И каждую неделю удивлялся ответу так, словно слышал его впервые.

— Да.

— Точно?

— Точно.

— А форма где?

Улыбка медленно исчезла.

— Там же, где ты её вчера оставил.

Из комнаты наступила тишина.

Кира сделала глоток кофе. Тёплый. Пока ещё тёплый.

— Мам...

— Что?

— А где я её вчера оставил?

— Если бы я знала, где ты оставляешь свои вещи, мне бы давно платили зарплату за поисковые операции.

Из детской раздался смех. Через минуту на кухню влетел Константин: волосы торчали во все стороны, футболка надета задом наперёд, а на лице читалось искреннее непонимание того, почему мир с самого утра решил усложнить ему жизнь.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Что у нас на завтрак?

— Каша.

— А кроме каши?

— Есть бутерброды.

— Уже лучше.

Телефон на столе коротко завибрировал. Родительский чат. Кира даже открывать сообщение не стала — за годы материнства она выработала почти сверхъестественную спо-

способность заранее угадывать содержание подобных сообщений. Скорее всего, нужно что-то срочно принести, сдать или подписать. Почему всё в школьной жизни происходило срочно, она так и не поняла.

Из своей комнаты появился Михаил — быстро налил чай, посмотрел что-то в телефоне и начал собираться. Старший сын редко устраивал утреннюю суету и почти никогда ничего не терял. Зато мог часами сомневаться в себе и переживать из-за задач, которые давно бы решил любой другой. Иногда Кира смотрела на него и видела себя.

— Мам, ты меня слушаешь? — спросил Костя.

Она подняла глаза.

— Если честно, уже не очень.

— Почему?

— Потому что я одновременно думаю про твою форму, список покупок, ужин и ещё пытаюсь вспомнить, что забыла сделать вчера.

Константин задумался.

— Тяжело быть мамой?

Кира посмотрела на сына поверх кружки.

— Иногда очень.

— Тогда зачем ты согласилась?

Она рассмеялась.

— Поздно задавать такие вопросы. Контракт уже подписан.

Константин тоже рассмеялся и убежал обратно в комнату.

— Мам! Я всё равно не могу найти форму!

Кира закрыла глаза. Медленно сосчитала до трёх. Поставила кружку на стол и пошла в детскую.

Форма нашлась меньше чем за минуту. Она лежала на стуле — на самом видном месте.

— Костя.

— Что?

— Иди сюда.

Константин подошёл и посмотрел туда, куда указывала мама. Сначала на стул. Потом на форму. Потом на Киру.

— А-а...

— Именно.

— Я её не заметил.

— Верю.

Константин виновато улыбнулся и забрал форму. Кира вернулась на кухню и посмотрела на свою кружку.

Кофе уже начал остывать.

Ну вот. А она почти поверила, что сегодня успеет выпить его горячим.

В коридоре слышались шаги, и на кухню вошёл Влад: сонный, слегка помятый, в старой футболке и домашних штанах. Он привычно заглянул в чайник, потом открыл холодильник и несколько секунд изучал его содержимое.

Кира невольно улыбнулась. Нет, всё-таки эта способность

передавалась мужчинам каким-то особым образом — каждый раз они открывали холодильник с таким видом, будто за ночь там мог появиться новый набор продуктов.

— Доброе утро, — сказал Влад.

— Доброе.

— Кофе есть?

Кира молча кивнула на кофемашину.

Пока машина наполняла кружку, Влад выглянул в окно.

— Сегодня дождь обещали.

— Угу.

— Надо будет зонт взять.

— Возьми.

Он сел за стол и сделал первый глоток кофе. Кира посмотрела на свою кружку и поймала себя на странной мысли. За последние полчаса она успела покормить Пушка, найти форму Константину, проверить родительский чат, собрать завтрак и мысленно составить список покупок на вечер. Влад за это время только проснулся.

— Кир, собери Костю, а то он опять копается, — сказал Влад, не отрываясь от кружки.

В голосе не было ни раздражения, ни приказа. Он произнёс это совершенно спокойно, как человек, который попросил передать хлеб. И именно поэтому Кира не сразу поняла, что её задело.

Собери Костю.

Не «давай соберём». Не «я сейчас посмотрю». Не «может,

помочь?».

Собери.

Будто в семье давно существовало негласное правило, по которому дети, школа, уроки, забытые формы и родительские чаты относились исключительно к её территории.

Кира машинально потёрла шею. Та неприятно ныла — как всегда в такие моменты.

— Сейчас, — ответила она и поднялась из-за стола.

В квартире снова стало шумно. Кто-то искал телефон, кто-то надевал куртку, кто-то в последний момент вспоминал про домашнее задание. Обычное утро.

Влад уже надевал куртку.

— Всё, я побежал.

Он быстро поцеловал Киру в щёку, подхватил сумку и посмотрел на детей.

— Учитесь хорошо.

— Угу, — почти одновременно ответили Михаил и Костя.

— Пока.

Входная дверь закрылась.

— Пап! — тут же крикнул Костя.

Дверь снова открылась.

— Что ещё?

— А ты вечером во сколько придёшь?

— Как обычно.

— Это во сколько?

— После работы.

— Очень информативно, — пробормотал Михаил.

Влад усмехнулся.

— Не поздно.

— Хорошо, — кивнул Костя.

Дверь снова закрылась. На этот раз окончательно.

В прихожей началась последняя утренняя суeta. Костя натягивал куртку, одновременно пытаясь запихнуть в рюкзак контейнер с завтраком. Михаил уже стоял у двери и терпеливо ждал.

— Костя, если через пять минут ты не наденешь кроссовки, придётся идти в школу босиком.

— Не придётся.

— Почему?

— Потому что босиком в школу нельзя.

— Тогда надевай кроссовки.

— А если я всё-таки пойду босиком, меня домой отправят?

— Отправят.

Костя на секунду задумался.

— Тогда это вообще отличный план.

— Костя.

— Уже надеваю.

Михаил усмехнулся.

— Когда-нибудь ты потеряешь самого себя.

— Не потеряю.

— Почему?

— Потому что мама найдёт.

Все рассмеялись. Даже Михаил.

Кира замерла.

Это была обычная шутка. Но почему-то именно эти слова зацепили её сильнее, чем должны были.

А вот когда в последний раз она искала саму себя, Кира почему-то вспомнить не смогла.

— Всё, мы пошли, — сказал Михаил, открывая дверь.

— Пока, мам.

— Пока. Шапку надень, — автоматически бросила Кира вслед Косте.

— Уже надел!

— Покажи.

Костя театрально закатил глаза, но всё-таки натянул шапку до самых ушей.

— Теперь довольна?

— Теперь да.

Мальчишки вышли, дверь закрылась. Квартира неожиданно опустела. После утренней суеты эта перемена всегда происходила слишком резко. Только что кто-то искал форму, спорил из-за шапки и вспоминал про домашнее задание, а теперь остались только привычное урчание холодильника, шум дождя за окном и Пушок, который наконец решил, что утро без его участия прекрасно справится.

Кира ещё немного постояла в прихожей, словно по привычке ожидая очередного вопроса. Но в квартире было тихо. На полу у двери она заметила одинокий носок.

— Костя, — усмехнулась она.

Других вариантов всё равно не было.

Она подняла носок и вернулась на кухню. На столе её всё ещё ждала кружка кофе. За это утро он успел окончательно остыть.

Кира ненадолго задержалась у подоконника. За стеклом жил своей жизнью обычный сентябрьский двор. Над домами медленно сгущались тучи — похоже, скоро должен был начаться дождь. Влад предупреждал. Зонт, скорее всего, всё равно не взял.

Иногда ей казалось, что она могла бы часами сидеть вот так. В тишине. Без разговоров, вопросов и бесконечного списка дел. Где-нибудь за городом. В небольшом доме среди деревьев. Там, где можно открыть окно и услышать ветер, а не шум машин.

Она сама не знала, почему эта картинка иногда всплывала у неё в голове. Просто всплывала. Так же неожиданно, как воспоминания о папе или запах осеннего леса после дождя.

Вспомнив про молоко, Кира поставила кружку на подоконник и направилась в прихожую. Куртка, ключи, телефон — всё лежало на своих местах.

На улице пахло влажным асфальтом и приближающимся дождём.

Во дворе было привычнолюдно.

— Кирочка, привет! — К ней уже спешила соседка с третьего этажа, Светлана Ивановна.

— Доброе утро.

— За покупками?

— Да, молоко закончилось.

— Как дела?

Кира улыбнулась. Этот вопрос люди задавали друг другу каждый день — настолько часто, что обычно никто не ждал честного ответа.

— Всё хорошо, — привычно ответила она.

— Хорошо — это хорошо или хорошо — это как всегда?

Кира невольно рассмеялась.

— Светлана Ивановна, вы меня раскусили.

— За столько лет общения было бы странно не научиться.

Они медленно пошли по дорожке к магазину. Над двором нависли тяжёлые серые тучи, и ветер гонял по асфальту жёлтые листья.

— Ну рассказывай, — сказала Светлана Ивановна. — Как мальчишки?

— Нормально. Учатся, растут, спорят между собой, теряют вещи. Всё по плану.

— Это хорошо. А Влад?

— Работает.

— Много?

— Как обычно.

— А ты?

— Да делами занимаюсь. Дом, магазин, готовка, уборка, уроки, стирка...

— Понятно, — сказала Светлана Ивановна, но потом добавила: — Нет, не ясно. Это ведь называется работать директором по обеспечению жизнедеятельности семьи.

— Звучит намного солиднее, чем есть на самом деле.

— Не скажи.

Несколько секунд они шли молча.

— А когда ты в последний раз делала что-то просто потому, что тебе хотелось?

Кира даже не сразу нашлась с ответом. Настолько не сразу, что сама удивилась.

— Ну... не знаю.

— Совсем не знаешь?

— Знаю, наверное. Просто сразу ничего в голову не приходит.

Светлана Ивановна ничего не ответила. Она умела молчать так, что рядом с ней хотелось думать.

— Раньше я любила рисовать, — неожиданно сказала Кира. — Потом времени не стало. Хотя, если честно, не только рисовать. Мне всегда хотелось много чего — путешество-

вать, увидеть горы, на море съездить. Я ведь ни разу в жизни не была ни в горах, ни на море.

Светлана Ивановна остановилась.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Надо же...

— А ещё я всегда мечтала жить в своём доме, — продолжила Кира, сама удивляясь тому, что говорит это вслух. — Не в огромном. Просто в уютном. Чтобы рядом были деревья. Чтобы утром можно было пить кофе и смотреть не на соседний дом, а на лес.

— Красиво.

— Из разряда фантазий. Помечтал и пошёл дальше заниматься делами.

Светлана Ивановна внимательно посмотрела на неё.

— Странно. Ты говоришь об этом так, будто мечты существуют отдельно от тебя.

Кира хотела что-то ответить, но не успела. Первые капли дождя упали на асфальт, и они ускорили шаг.

У входа в магазин Светлана Ивановна остановилась.

— Ну всё, я побежала. Мне ещё в аптеку нужно.

— Хорошо. Спасибо за компанию.

— Заходи как-нибудь на чай.

— Обязательно.

В магазине Кира взяла корзинку и направилась к молочному отделу. В голове тут же начали всплывать другие дела: проверить, хватит ли продуктов до выходных, не забыть оплатить интернет, посмотреть, вырос ли Костя из спортивной формы.

У кассы её взгляд случайно остановился на небольшом стенде с товарами для творчества. Там лежали наборы карандашей, кисточки, блокноты для эскизов.

Кира невольно замедлила шаг.

Когда-то она могла подолгу рассматривать такие вещи. Она взяла в руки небольшую коробку с карандашами и посмотрела на цену. Сумма была совсем небольшой. Но почти сразу в голове появился привычный список более важных покупок: нужно подумать о спортивной форме для Кости, Михаил давно просил новые наушники, да и продукты в последнее время обходились всё дороже.

Кира поставила коробку обратно на полку и направилась к кассе.

Она не чувствовала ни обиды, ни разочарования. Просто автоматически решила, что карандаши могут подождать.

Когда Кира вернулась домой, дождь уже уверенно барабанил по подоконникам.

Она разложила покупки по местам и остановилась у окна. По стеклу медленно стекали капли, размывая двор в се-

ро-жёлтые осенние пятна. Кира любила смотреть на дождь — было в этом что-то успокаивающее, будто весь мир ненадолго замедлялся вместе с ней.

Телефон завибрировал.

На экране высветилось: «Мама».

— Привет, мам.

— Привет, доченька. Как дела?

— Нормально.

Мама тихо усмехнулась.

— У тебя всегда всё нормально.

— А что ещё сказать?

Повисла короткая пауза — такая бывает только между близкими людьми, которые разговаривают друг с другом много лет.

— Как мальчишки?

— Хорошо. В школе.

— Влад на работе?

— Да. Сегодня в офис поехал.

— Молодец.

Мама всегда произносила это слово с особой интонацией. Работает — значит молодец. Кира вдруг поймала себя на мысли, что раньше никогда об этом не задумывалась.

— Голос у тебя какой-то грустный, — неожиданно сказала мама. — Устала?

Кира уже собиралась ответить привычное «нет, всё нормально», но почему-то вспомнила вопрос Светланы Иванов-

ны.

— Немного устала, — честно призналась она.

— Ну а кто сейчас не устаёт? Мы с отцом тоже крутились как могли. Зато потом легче будет.

— Потом — это когда?

Мама тихо засмеялась.

— Хороший вопрос.

— Просто мне кажется, что это «потом» всё время куда-то отодвигается.

На этот раз мама ответила не сразу.

— Знаешь, доченька, мне кажется, я тоже всю жизнь ждала этого «потом».

Кира замерла. От мамы она ожидала услышать многое. Но не это.

— И дождалась?

За окном шумел дождь. Где-то вдалеке проехала машина.

— Не знаю, — наконец ответила мама. — Наверное, нет.

После разговора Кира ещё несколько секунд держала телефон в руке, а потом положила его на стол.

Дождь всё так же стучал по стеклу.

Фраза про это бесконечное «потом» никак не выходила из головы. Кира посмотрела на часы. Впереди был список дел: разобрать бельё, приготовить ужин, ответить на сообщения в чате, записать Костю к стоматологу. Она ещё несколько секунд постояла у окна, а потом всё-таки заставила себя отойти от подоконника.

В спальне на кресле лежала аккуратная стопка чистого белья. Каждый вечер Кира обещала себе разобрать её перед сном, но каждый раз находилось что-то более срочное.

Открыв шкаф, она начала раскладывать вещи по полкам. Всё происходило почти автоматически. Футболки Михаила, спортивная форма Кости, домашняя одежда Влада — у каждого своя полка.

Потянувшись наверх, чтобы освободить место, Кира заметила в глубине шкафа старую картонную коробку. Она стояла там уже много лет, но почему-то только сейчас привлекла её внимание. На крышке сохранилась старая наклейка с надписью, сделанной её собственным почерком: «Личное».

Кира невольно улыбнулась. Когда-то это слово казалось ей очень важным. Последний раз она открывала коробку так давно, что уже не могла вспомнить когда.

Сев на пол у кровати, она сняла крышку.

Сверху лежал старый альбом для рисования с пожелтевшими от времени страницами. Кира открыла его и замерла.

На первом рисунке был лес. Среди высоких сосен стоял небольшой деревянный дом, а от крыльца уходила узкая тропинка, исчезающая между деревьями. Она улыбнулась. Оказывается, мечта о доме среди леса появилась у неё совсем не вчера.

Кира медленно перелистывала страницы. На одних были

пейзажи, на других — сказочные персонажи, на третьих — наброски людей. Рисунки были неровными, местами наивными, но удивительно живыми. Она смотрела на них и чувствовала, будто знакомится с кем-то давно забытым.

С самой собой.

Между страниц неожиданно выскользнула старая фотография.

На снимке была девушка лет двадцати. Растрёпанные после ветра волосы, старая джинсовая куртка и такая широкая улыбка, что невозможно было смотреть на неё без ответной улыбки. Берег реки. Компания, костёр, летний вечер.

Кира долго рассматривала фотографию.

— Господи... какая же ты здесь счастливая...

Ей вдруг показалось, что девушка на фотографии и женщина, сидящая сейчас на кровати, знают друг друга очень плохо.

Под фотографией лежала тонкая тетрадь в синей обложке. Кира открыла первую страницу и увидела дату — почти восемнадцать лет назад. Крупными буквами было написано: «Что я обязательно сделаю в своей жизни».

— О господи...

Почерк был её — немного неровный, но уверенный. Так пишут люди, которые ещё не успели разочароваться в своих планах.

«Побывать в горах».

«Научиться делать красивых кукол».

«Жить в своём доме рядом с лесом».

Кира медленно листала страницы. Некоторые пункты казались наивными. Некоторые вызывали улыбку. Возле нескольких стояли галочки. Но большинство так и остались нетронутыми.

Она закрыла тетрадь и задумалась. Снова посмотрела на фотографию. Девушка на снимке улыбалась так открыто и легко, будто была абсолютно уверена, что всё обязательно получится.

— Интересно, что бы ты обо мне сейчас подумала? — тихо спросила Кира.

Ответа, конечно, не последовало. Только дождь всё так же стучал по стеклу.

Потом она нашла ещё один рисунок — дом с большими окнами и верандой. И подпись внизу, совсем мелкая: «И обязательно отдельная комната для творчества».

Когда это изменилось?

Кира не помнила момента. Не было одного дня, одного решения — просто «потом» накапливалось незаметно, как пыль на верхней полке. Потом займусь творчеством. Потом найду время для себя. Потом, когда дети вырастут, когда станет спокойнее, когда...

В дверях появился Костя — с яблоком, в носках разного цвета.

— Мам, ты что тут делаешь?

— Нашла старую коробку. С моими рисунками. Когда я

была маленькой.

Костя немедленно присел рядом и начал перебирать листы с тем особенным вниманием, с которым дети изучают вещи, принадлежавшие родителям до их рождения.

— Ты странно рисовала, — заключил он, изучив домик.

— Спасибо.

— Это похвала. У меня тоже криво.

Кира улыbnулась.

— Так кем ты хотела стать? — спросил он, не отрываясь от рисунка.

— Хотела заниматься творчеством. Рисовать. Делать что-то руками.

— И что?

— Жизнь пошла другим путём.

— Почему?

Она открыла рот и остановилась. Честного ответа не было. Не потому что он сложный — просто она никогда не задавала себе этот вопрос по-настоящему.

— Наверное, я всегда была занята чем-то другим, — сказала она наконец.

— А сейчас уже нельзя? — спросил Костя с такой простотой, будто решение было совершенно очевидным.

— Что именно?

— Ну... рисовать.

Кира посмотрела на сына. Ни насмешки, ни жалости — просто настоящее недоумение: в чём проблема?

— Наверное, можно, — сказала она медленно.

— Тогда рисуй. — Он встал и подхватил яблоко. — Что сложного?

— Когда вырастешь — поймёшь.

— Это взрослые так говорят, когда сами не знают ответа, — бросил он уже из коридора.

Кира осталась сидеть на полу.

За окном начинался дождь. В кастрюле закипал бульон. Из комнаты доносился голос Михаила — он разговаривал по телефону, тихо и серьёзно.

Костин вопрос кружился в голове.

А сейчас уже нельзя?

Если отвечать честно, оказывалось, что никакого настоящего «нельзя» не было. Было привычное «потом». Было «некогда». Было «сначала всё остальное». Но запрета — не было.

Убирать коробку обратно на верхнюю полку не захотелось. Кира поставила её рядом с кроватью. Просто рядом. Так, чтобы видеть.

Вечером, когда за окном уже стемнело, в замке повернулся ключ.

— Я дома, — донеслось из прихожей.

Влад вошёл на кухню в мокрой куртке — дождь всё-таки застал его без зонта, как Кира и предполагала. Он повесил

куртку на крючок, потянулся к чайнику.

— Как день?

— Нашла старую коробку, — сказала Кира. — С рисунками. Своими.

Влад обернулся.

— Это хорошо или плохо?

— Пока не знаю.

Он кивнул, не стал спрашивать дальше. Налил себе чай, сел за стол. Из детских комнат доносились голоса — мальчишки о чём-то спорили, привычно и без особой злости.

Кира поставила на плиту кастрюлю с бульоном. Обычный вечер. Обычный ужин. Только на полу в спальне стояла коробка, которую она не убрала обратно.

После ужина она поговорила с Михаилом — не на ходу, не между делами, а нормально, за чаем. Про школьный проект по информатике, который участвовал в конкурсе. Он оживился — начал объяснять техническую задачу, половину которой она не поняла. Но слушала по-настоящему. Не вполуха, думая про завтрашний список. Целиком.

— Спасибо, — сказал Михаил, когда закончил.

— За что?

Он пожал плечами.

— Просто так.

Кира подумала, что, может быть, это и было самым точным ответом.

Перед сном она лежала в темноте, слушая дождь за окном.

Пушок устроился в ногах — тяжело и надёжно.

Коробка стояла рядом с кроватью. Кира не видела её в темноте, но знала, что она там.

Она думала о девушке на фотографии. О домике среди сосен. О списке с галочками, которых почти нет. О том, что этот список написан человеком, который был уверен: впереди достаточно времени для всего.

Не грустно. Просто странно. Как будто она только что познакомилась с кем-то, кого давно должна была знать.

Коробку убирать не стала.

Это, наверное, было уже что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.